Портрет

Автор:
Александра Плен

Портрет

Александра Плен

В тот миг, когда я впервые увидела свет, я не знала ничего. Полуслепая, парализованная, жалкая и безмозглая, я барахталась в абсолютном небытие, стараясь не сойти с ума. Все было размытым, непонятным, и только одно лицо стояло передо мной – лицо моего Создателя. Для меня он был центром Вселенной, всемогущим и всесильным. Я не понимала ни слова из того, что говорили вокруг, не знала кто эти тени, снующие повсюду, почему то светло, то темно, то тихо, то громко. Я проваливалась в беспамятство и опять выныривала на свет, по зову моего Творца. Он называл меня Лаурой. А когда становилось темно и в комнате зажигались маленькие огоньки, он подходил ко мне и часами рассматривал мое лицо, лихорадочно бормоча что-то себе под нос. Его глаза блестели безумием и это немного пугало. Он шептал, что любит меня, обожает, все на свете отдаст за меня… Я силилась ответить, что не понимаю, о чем он говорит, не знаю, что такое любовь, что такое страсть. Но не могла. У меня не было голоса.

Александра Плен

Портрет

Я родилась в 1514 году. Наверное. Дата не точная, так как первую сотню лет я помню урывками. Потом, через много веков, научившись читать, писать, научившись жить, я отыскала упоминание о жутком несчастье, постигшем грешников, и каре, которая была наслана на их головы. И вспомнила, что в год моего рождения погасло солнце. Сопоставила с годами жизни учителя моего

Творца и придумала дату.

Это потом… А тогда, в день, когда впервые увидела свет, я не знала ничего. Полуслепая, парализованная, жалкая и безмозглая, я барахталась в абсолютном небытие, стараясь не сойти с ума.

Я была новорожденным ребенком, испуганным, растерянным, беспомощным. Все было размытым, непонятным, и только одно лицо стояло передо мной – лицо моего Создателя. Для меня он был центром Вселенной, всемогущим Богом, всесильным и благородным. Я не понимала ни слова из того, что говорили вокруг, не знала, кто эти тени, снующие повсюду, почему-то светло, то темно, то тихо, то громко. Я проваливалась в беспамятство и опять выныривала на свет, по зову моего Творца.

Он называл меня Лаурой. А когда становилось темно, и в комнате зажигались маленькие огоньки, подходил ко мне и часами рассматривал мое лицо, лихорадочно бормоча что-то себе под нос. Его глаза блестели безумием, и это немного пугало. Он шептал, что любит меня, обожает, все на свете отдаст за меня… Я силилась ответить, что не понимаю, о чем он говорит, не знаю, что такое любовь, что такое страсть. Но не могла. У меня не было голоса.

Дни сменяли ночи, я взрослела, начала понимать язык, отдельные слова, фразы. Отличать лица детей от взрослых, слуг от господ. Смысл многого еще ускользал от меня, но я старательно училась, тем более что Создатель все время находился рядом, подолгу разговаривал, трогал меня, любовался мной, и я становилась сильнее.

Иногда я видела прелестную девушку, которая заходила к нам в комнату и нежно улыбалась моему Создателю. Толпа служанок всегда сопровождала ее. Девушка садилась сзади меня, шуршала тканью, вышивая узоры на покрывале, иногда что-то пела тихим мелодичным голосом. Когда она приходила, Создатель смотрел только на нее, и его глаза сияли. Потом, спустя некоторое время, как-то приглядевшись, я увидела себя в отражении его зрачков и догадалась, что мое лицо было копией лица той девушки, перенесенное на плоский кусок ткани, натянутый на деревянную рамку.

Меня рисовали для жениха доньи Лауры, дочери дона Хуана де Монтиньонес, величайшего рыцаря, потомка первых крестоносцев и участника последнего

крестового похода. После того, как картина будет закончена, я отправлюсь на север, в Таррагону, к дону Родригесу Пуэрто, богатейшему феодалу Каталонии. Свадьба должна состояться через год. Лауре исполнится шестнадцать, а жениху, увы, пятьдесят. Суженые ни разу не виделись в своей жизни, вот для этого отец Лауры и пригласил в замок молодого, талантливого художника, ученика самого Микеланджело Буонарроти, чтобы тот нарисовал портрет его единственной дочери. Откуда же ему было знать, что художник без памяти влюбится в девушку, и что девушка полюбит красивого талантливого юношу?

Холстом служил небольшой отрез полотна, привезенный предками дона из первого крестового похода. Его обнаружила служанка Лауры в забытых сундуках на чердаке. Хуан де Монтиньонес не помнил, почему ткань была спрятана. Почему ее не использовали раньше, ведь сундуки давно распотрошили, забрав все стоящее, что было привезено из походов – золото, камни, шелка и благовония. А кусок полотна все лежал на дне ларца, потерянный, пыльный, но на удивление крепкий и прочный. Дон не позволил рисовать любимую дочь на одном из холстов, привезенных художником с собой. Спорить с ним было бесполезно, поэтому слуги, по приказу Хуана, принялись искать ткань, которая бы подошла к картине, была бы достаточно грубой, добротной и подходящих размеров. Нашли. «Наверное, она когда-то что-то стоила», – сказал дон и разрешил Создателю ее использовать как холст. Все это я узнала из отрывочных разговоров прислуги, шепотков горничных и сплетен домочадцев.

Сам Хуан де Монтиньонес не заходил в нашу комнату. Я увидела его только раз, в день, когда Создатель закончил меня рисовать. Дон был очень рассержен. Он кричал, что не этот портрет он заказывал. Что мой Создатель бездарь и обманщик, что не заплатит ему ни песо. Что ему не нужна эта мазня, и пусть он катится ко всем чертям вместе с ней…

Я понимала через слово, меня охватили страх и паника. Рядом плакала донья Лаура, мой Создатель оправдывался. Он говорил, что так видит девушку, что старая школа устарела, а в конце… что он не позволит сломать судьбу Лауры, не позволит выйти замуж за старика, что он любит ее. Наверное, это стало последней каплей. Дон что-то гневно выкрикнул, в комнату вбежали несколько человек. Создатель успел сдернуть меня с мольберта и запихнуть холст за пазуху. Больше я ничего не помнила.

В следующий раз я открыла глаза в темной пыльной комнате, заставленной сломанной мебелью. Чердак? Подвал? Мой Создатель пристально рассматривал меня, молитвенно сложив руки на груди. Его щеки пылали нездоровым румянцем, глаза впали, волосы грязными прядями спадали на блестевший лоб. Я забеспокоилась. Что с ним случилось? Он заболел?

Создатель хрипло шептал: "Лаура, любимая, помнишь ли ты меня? Я приду за тобой. Я украду тебя"… Его воспаленная энергия вливалась в меня странной будоражащей силой. Он отдавал мне свои жизненные соки, истощая себя. Мне хотелось крикнуть: «Не нужно! Иди к лекарю! Позаботься о себе! Лаура для тебя потеряна навеки!», но он накрыл меня тканью, и я опять пропала надолго.

Я с трудом выбиралась из небытия. В голове вспыхивали какие-то воспоминания. Красавица с белокурыми волосами. Крики, плач, безнадёжные стоны. Где я? Кто я? Темнота рассеялась. Я увидела перед собой двух грузных, небрежно одетых мужчин. Они стояли перед мольбертом, на котором я висела и мерзко усмехались.

– Эта пойдет, – произнес один из них, протягивая ко мне грязные руки.

Я сжалась от страха.

– Ты что? – второй удивленно уставился на первого. – Девка какая-то худая, простоволосая. В балахоне. Она не стоит двух золотых.

– Она не продается… – из глубины комнаты донесся сдавленный стон. – Выберете другую картину.

Мой Создатель? Что с ним? Я силилась рассмотреть что-то в темноте, но мужчины закрывали обзор.

– Другие еще хуже, – произнес второй, – отдавай долг или убирайся. Один день на выселение. А говорили знаменитый художник, талант. Тьфу.

Мужчина в сердцах махнул рукой и бросил на меня покрывало. Хлопнула дверь. Ушли? Я прислушивалась к тяжелому дыханию Создателя, мне было страшно. Что происходит? Кто эти люди? Я старалась оставаться в сознании и не

провалиться опять в небытие, где пустота и беспамятство. Вдруг покрывало сползло, и передо мной появилось знакомое дорогое лицо.

– Лаура… – хрипло выдохнул Создатель и закашлялся.

Сгустки крови текли по подбородку. Как же он исхудал! Впалые щеки уже не пламенели, их покрывала болезненная восковая бледность. Глаза лихорадочно блестели, тонкие худые руки вцепились в раму.

– Лаура… Как ты могла предать нашу любовь? – Создатель опять зашелся в ужасающем кашле, костлявая грудь содрогалась от мучительных спазмов. – Лаура, я так любил тебя… – прошептал он в последний раз и упал перед мольбертом.

Я со страхом смотрела на неподвижное тело. Что с ним?! Почему он не двигается?! Он заснул? Что случилось? Лаура предала его? Я попыталась крикнуть, позвать на помощь, но не могла. Из горла не вылетало и звука. Я в панике металась всю ночь, запертая в деревянной рамке, не в силах ничего сделать, вынужденная смотреть на застывшего на полу в оцепенении Создателя.

Утром в комнату вошли двое вчерашних посетителей.

– Сдох художник… – произнес один из них, коротко глянув на тело. – Чахотка не щадит никого.

Я очнулась и в смятении уставилась на говорившего. Что такое «сдох»?

– А деньги? – спросил второй. Первый быстро огляделся.

– Наскребем что-нибудь… Вон две картины стоят, эта, – он кивнул в мою сторону, – заворачивай, да поживее.

Меня накрыли покрывалом, и мир исчез.

И только через несколько лет, вися в гостиной, где стоял гроб с телом ростовщика, я узнала, что означает слово «сдох». Это значит умер. Навсегда.

Я много странствовала по свету. Сначала висела в домах богатых купцов, фермеров. Однажды даже побывала в борделе. Насмотрелась всякого и многому научилась. Изучила анатомию мужчин и женщин, их повадки, скрытые желания. Узнала, как рождаются дети, и как взрослеют. Видела смерть во всех ее проявлениях. Из-за старости, болезни и удара шпагой. Из-за разбитого сердца и разорений. Видела любовь, страсть, ненависть, злобу, предательство. Я училась отличать, что такое хорошо и что такое плохо. Училась размышлять, анализировать.

Спустя время меня передали в какой-то музей. Я висела в одной из длинных галерей. Мимо меня прохаживались дамы в пышных платьях, мужчины во фраках. Иногда мной восхищались, иногда кривились от омерзения. Когда в меня влюблялись молодые юноши, я чувствовала такой сильный прилив сил, что почти все время пребывала в сознании, учила много новых слов и фраз, радовалась и грустила вместе с людьми, окружавшими меня.

А бывало, я находилась в небытие очень долго, пролетали десятки лет в абсолютном безмолвном ничто. Я лежала забытая на чердаке или стояла укрытая покрывалом в запасниках музея. Тогда я исчезала из этого мира, растворялась в пустоте, и даже лицо моего Создателя стиралось из памяти.

Уходили прочь века, менялись эпохи, культура, мода. Меня то вешали на самое видное место в лучших залах, то снимали, прятали с глаз долой. Мое лицо было то «удивительно прекрасно», то «не модно» или «не интересно». Поэты сочиняли баллады, воспевали мою красоту в стихах, потом исчезали, пропадали без вести, находили иных муз для восхищения. Летело время, и уже другие лица мелькали передо мной. Я жила, подпитываясь энергией влюбленных, выныривая из небытия только для того, чтобы выучить новый язык или рассмотреть современную моду на шляпки и платья.

Иногда в мой мир приходили несчастья. Однажды меня взяли на реставрацию, и я несколько лет провела в подвале, видя перед собой только скучное невыразительное лицо пожилой женщины. Чувства затухали, уплывали воспоминания, и больше ничего не радовало в этом мире. Я заснула, исчезнув из реальности. А проснулась только тогда, когда в меня влюбился молодой юноша. Он часами простаивал возле стены, на которой я висела, и смотрел, смотрел, не отрывая взгляда. Застенчивый, простодушный и милый. Его глаза сияли любовью, и это было прекрасно. Я ни разу не видела себя полностью и не могла

понять, что всех их так привлекало во мне?

Да, та Лаура, которая служила моделью, была очень красива в жизни. У нее были длинные, по пояс, белокурые волосы и нежная кожа. Ее руки – белые лилии, а гибкий стан – само изящество и царственность. Она была деликатным изысканным цветком, прекрасным, воздушным, женственным. Ее голос был тих и музыкален, бархатные глаза опущены вниз, а сочные яркие губы звали к поцелуям. (Половину данных дифирамбов ее красоте я услышала от Создателя и только спустя многие годы поняла, что они значат).

Но как он ее нарисовал? Как представил? Как изобразил? Провисев долгое время в музеях, я узнала, что существуют многочисленные школы и течения в живописи. Например, я нахожусь в зале классицизма, но есть залы импрессионизма, модернизма, кубизма.

Значит ли это, что я ее точная копия? Но ведь многим я не нравилась. Вначале меня часто продавали, я годами лежала на чердаках и только после того, как меня признали антиквариатом (что это такое, я до сих пор не знаю, но что-то очень важное и дорогое), я обрела ценность.

Конечно, я понимала, что я – картина. Нарисованное изображение на куске ткани. Понимала, чем люди отличаются от меня, что такое живая и не живая материя. Я – не живая. У меня нет тела, сердца, пульса и температуры. Я не могу говорить, ходить, спать, есть. Но все же, я не мертвая. Пусть я не дышу, но зато думаю, чувствую, учусь, запоминаю.

Я висела долгие годы в разных музеях, разных городах и странах. Повидала тысячи и тысячи посетителей, выучила много языков и наречий (когда тридцать-пятьдесят лет слышишь какой-то язык, волей неволей научишься его понимать).

Смотрела вокруг себя и видела сотни подобных мне портретов. Неужели они тоже чувствуют? Неужели они так же, как и я, заперты в клетке и кричат от отчаянья? Вот женщина, висящая напротив меня. Она смотрит мне в глаза, кажется – ей больно. Ни бархатное платье, ни драгоценности не спасают от дикого, бесконечного одиночества. А тот старик, немного левее? В его морщинистом лице вселенская грусть и усталость. Страшно осознавать, что это навечно. Сотни лет проходят мимо, а я живу за счет эмоций и восхищения влюблённых юношей. Пусть хоть так, к тому бедному старику вообще никто не

подходит. Наверное, он все время спит.

Юноша читал мне стихи. Шепотом, чтобы никто не слышал. В меня вливалось огромное количество энергии, чистой, светлой, прекрасной. Она пульсировала во мне ярким солнышком, и даже посетители замечали, что я как будто светилась. «Смотрите, она сияет!» – говорили они, рассматривая меня, собираясь вокруг полотна. И их восхищение согревало меня еще больше.

А потом началась война. Юноша бесследно исчез, посетителей стало гораздо меньше. По залу ходили озабоченные работники музея и о чем-то нервно шептались. Я услышала новые слова «оккупация» и «эвакуация». Что они означали? Через некоторое время работники принялись снимать картины со стен и упаковывать в ящики. Меня накрыли тканью, и я пропала.

***

В подвал вошли двое мужчин. Первый, светловолосый худощавый в модном костюме от Бриони выглядел настоящим пижоном. Аккуратная прическа волосок к волоску, темный галстук, голубая рубашка, туфли ручной работы, невозмутимый холеный вид человека, привыкшего идти по жизни легко, не напрягаясь. Второй был одет проще. Потертые джинсы, рубашка-поло, сношенные кроссовки. Его не слишком презентабельный вид был обманчивым. Денег у второго мужчины было гораздо больше, чем у первого, но ему было не с руки демонстрировать свое богатство, ведь его бизнес был не совсем законным.

– Вот здесь я храню самые ценные экземпляры, – произнес второй мужчина и сопроводил слова широким приглашающим жестом.

Подвал представлял собой просторную квадратную комнату, сухую, хорошо освещенную. Климат-контроль поддерживал постоянную комфортную температуру. Неудивительно, ведь здесь хранились самые дорогие и редкие картины. Вдоль стен стояли стеллажи с аккуратными надписями. Мужчина в джинсах подошел к одному из них и вытащил прямоугольный кейс. Потом открыл футляр и поставил полотно на треногу.

– Если я хорошо тебя знаю, Джордж, то эта должна тебе понравиться, – произнес он и замолчал, давая первому рассмотреть изображение.

Пижон, до этого момента хранивший молчание, восторженно присвистнул. На красивом породистом лице отразилось восхищение.

– Это невероятно, – через некоторое время произнес он. – Сколько ты за нее хочешь?

– Двести тысяч.

Владелец подпольной галереи, Алан Мерфи, знавший Джорджа Олдриджа еще по колледжу, был горд за себя, ему удалось удивить этого высокомерного ублюдка. Так студенты называли Джорджа между собой. Тот знал прозвище, но ему, как всегда, было плевать на то, что о нем говорили.

– Шестнадцатый век, школа Микеланджело, прекрасное состояние, – перечислял Алан достоинства полотна.

– Почему так дешево? – Джордж был озадачен.

Шестнадцатый век? Она должна стоить минимум втрое дороже.

– Увы. Картина только для частной коллекции, – Алан внимательно смотрел на товарища, – в последний раз ее видели в пражской картинной галерее в тысяча девятьсот сорок первом году. Потом она исчезла, след ее потерялся. Понимаешь?

Блондин небрежно пожал плечами. Все знают, что во время войны столько картин пропало, что черный рынок коллекционеров будет обеспечен полотнами еще на сотню лет вперед. От другой картины его бы отвратило это обстоятельство, но не от этой.

– Кто автор? – Джордж до сих пор не мог оторвать взгляда от полотна.

– Какой-то неизвестный художник, – произнес Алан, – подпись неразборчива, поэтому и цена низкая. Вообще с ней странная история. Первое упоминание о картине я нашел в каталоге Каподимонте за тысяча восемьсот пятидесятый год. Она лежала в запасниках. То ли не знали, в какой зал повесить, то ли собирались реставрировать. Но ты только представь! Три столетия она где-то

путешествовала и дошла в Каподимонте в таком прекрасном состоянии.

– Но она не соответствует классическому ренессансу, – удивился Джордж, – скорее классицизму. Дата точная?

– Краску брали на спектральный анализ. Начало шестнадцатого века, а вот холст гораздо древнее, – ответил Алан, – более тщательные исследования не проводились. Собирались, но началась война.

– Ла-у-ра, – блондин склонился над картиной и по слогам прочитал надпись, потом отошел на пару шагов назад и словно зачарованный уставился на полотно, – ты прекрасна, Лаура. Ты знаешь это?

Полотно было средних размеров, высотой около тридцати дюймов, шириной пятнадцать. Почти всю площадь занимала чернота. В центре белым пятном была нарисована босоногая девушка с непокрытой головой, в длинной ночной рубашке, со свечей в руке. Скорее всего, она находилась в коридоре или узком проеме, так как ее левая рука опиралась на едва различимую каменную стену. За спиной девушки клубились странные тени, размытые и зловещие. Тьма словно окутывала ее, пытаясь увлечь или поглотить. И только маленький круг света, отбрасываемого огоньком свечи, освещал дорогу. Девушка собиралась идти вперед, в темноту, но медлила. Это было понятно по согнутой в колене правой ноге. Рубашка немного натянулась на бедре, очерчивая контур совершенной фигуры красавицы. Лицо ее было прекрасно. Тот, кто хоть раз увидел бы его не смог бы забыть никогда. Оно сияло юностью и очарованием. Все в нем – губы, глаза, скулы, лоб – вместе создавали непередаваемую гармонию идеальной красоты. У Джорджа защемило сердце от странной тоски. Увы. Такое совершенство может быть только нарисованное.

Распущенные золотистые волосы девушки падали ниже талии, тонкие пальцы изо всех сил сжимали свечу. Девушка словно понимала – если свеча погаснет, то исчезнет и она, бесследно растворившись во мраке. В широко раскрытых глазах застыло ожидание, тревога и… надежда.

– Когда я смогу ее забрать? – Джордж с трудом оторвал взгляд от картины и посмотрел на Алана.

– Как только переведешь деньги, – улыбнулся тот, – я лично доставлю ее тебе в лучшем виде.

– Думаю, через пару дней, – блондин, бросив последний взгляд на полотно, развернулся к выходу, – на прошлой неделе издательство выплатило гонорар, так что я теперь богач.

– Поздравляю. Ты теперь знаменитость. – Алан поместил «Лауру» в кейс и поставил на стеллаж.

Выключив свет, друзья отправились наверх, а подвал погрузился в темноту.

Джордж с нетерпением ожидал приезда Алана. Картина его заворожила. Ему даже приснился сон, где девушка идет к нему по длинному темному коридору.

Деньги он перевел на следующий день. Правда, пришлось выслушать по телефону долгую нравоучительную беседу своего брокера. Тот сетовал на то, что выбрасывать двести тысяч евро за Ролекс крайне неразумно, даже если он сделан в единственном экземпляре. Что Джордж лишь недавно стал состоятельным, а до этого времени вообще снимал квартиру и перебивался случайными заработками. Что он живет в долг у издательств, и все такое прочее.

Джордж отмел возражения как ненужный мусор. Что-что, а вести себя высокомерно и заносчиво он умел. Ему нужны эти часы и все тут. На самом деле у него был Ролекс, купленный в прошлом году. Но отличить часы за десять тысяч евро или за двести брокер вряд ли сможет, тем более что Джордж не собирался их ему показывать.

Алан доставил полотно на остров, как обещал. И даже помог повесить его в кабинете. «Лаура» прекрасно вписалась между книжным шкафом и комодом, как раз напротив письменного стола.

– Как будешь прятать? – поинтересовался Алан, когда друзья уселись на диван с бокалами виски, – я бы не советовал держать картину на виду. Пусть она и неизвестна в широких кругах, но мало ли.

– У меня приходящие уборщицы, две сербки. Вряд ли они разбираются в тонкостях живописи, – отмахнулся Джордж, – Изи я могу рассказать, а больше никто меня не посещает. Если вдруг гости нагрянут – просто запру кабинет.

– Ну как знаешь. Я бы спрятал подальше.

– Я хочу ее видеть постоянно. Иначе придется перенести кабинет в подвал, чего мне бы очень не хотелось, – сейчас, когда «Лаура» висела перед ним, Джордж прекрасно себя чувствовал, мог шутить и улыбаться.

Он до последней секунды сомневался, что все сложится, как надо. Что всего за двести тысяч он приобрел этот изумительный антиквариат, на который ему никогда не надоест смотреть.

– И чем же она тебе так приглянулась? – весело поинтересовался Алан.

Он знал Джорджа давно. В колледже студенты называли Джорджа снобом, папенькиным сынком, высокомерным зазнайкой. И вдруг такая страсть к картине.

– Не знаю, как объяснить, – блондин наклонился вперед, не отрывая взгляд от полотна, – мне словно хочется ее спасти. Подойти ближе, укутать в теплый плащ, напоить чаем, усадить к себе на колени, согреть в ладонях босые ступни. Мне хочется убить дракона, прячущегося в темноте за ее спиной, завоевать ее сердце. Стать лучше, благороднее, честнее. Стать достойным ее.

– О-о-о-о… – захохотал Алан, хлопая Джорджа по плечу, – вот поэтому ты писатель, а я нет. Сейчас ты точно передал, что я сам чувствую, когда смотрю на «Лауру».

– Почему же ты ее себе не оставил? – когда деньги переведены и картина висит у него в кабинете, Джордж мог задать этот вопрос без ревности и подозрительности.

– Бизнес – прежде всего, – вздохнул Алан, – рыцарство не по мне. Излишняя честность и справедливость вредит моей торговле.

Джордж с восхищением смотрел на нарисованную красавицу. Он был избалован красотой с детства. В его семье этого добра хватало. Все поколения Олдридж собирали по миру лучшие экспонаты живописи, фарфора, бронзы. Мать Джорджа коллекционировала драгоценности, а отец – раритетные ружья. У деда была тайная комната, где он прятал яйца Фаберже и монеты ацтеков.

Олдриджи на протяжении трех поколений занимались гостиничным бизнесом. Они строили отели в Европе и Азии, в Америке и Африке. Старшего сына с малолетства готовили к продолжению семейного бизнеса. Джордж учился в лучшей частной школе Англии, а Оксфорд стал закономерным продолжением обучения.

Свобода странно повлияла на наследника империи. Состоятельный красавец блондин, в дизайнерской одежде, с личным водителем, не обделенный интеллектом и талантами в первый год учебы наслаждался всеми привилегиями, что давали деньги и слава. Выпивка, девушки, вечеринки, азартные игры, нескончаемое веселье и кутеж. Ему даже ничего не приходилось делать – все происходило само по себе. Стоило поманить пальцем – любая красотка падала ему в объятья. Студенты наперебой старались попасть к нему домой, набивались в друзья. Был бы он чуть глупее, то вряд ли смог бы совмещать учебу с развлечениями. А так – ему с легкостью удавалось и то, и другое. Гордыня потихоньку завладевала Джорджем.

Весь мир лежал у его ног. У него было все, и он решил, что может все. Даже спорить с отцом. Тому не нравился разгульный образ жизни старшего сына, огромные траты, жалобы от преподавателей. Он урезал ему бюджет раз, второй. Дальше больше.

То, что началось как акт неповиновения, превратилось в непримиримую войну. На третьем курсе Джордж решил, что юридический факультет ему не подходит. Кодексы, акты и постановления нагоняли скуку, от цифр сводило скулы. Был ли это осознанный шаг или месть отцу? Джордж до сих пор не знал. А подтолкнул его профессор Корвин Пинс, который преподавал в университете литературу. Они много беседовали после лекций, можно сказать, даже подружились, если у высокомерного выскочки, каким являлся Джордж, могли быть друзья. Профессор был первым, кто открыл глаза на его памфлеты и юмористические статейки в стенгазету.

– Нельзя зарывать талант в землю, мистер Олдридж, – сказал как-то преподаватель, – ибо всякому имеющему да приумножится, а у не имеющего да отнимется.

Джордж удивленно уставился на профессора. Он никогда не принимал литературный дар всерьез. В детстве он сочинял стихи маме на день рождения, родственники веселились от его метких смешных рецензий на фильмы или выступление важного политика по телевизору. Но это все. Джордж всегда знал, что возглавит семейный бизнес и не представлял другого развития событий.

– Я вижу в тебе талант, Джордж, – еще раз повторил Пинс, – не погуби его.

И в очередную ссору с отцом младший Олдридж выбил у того почву из ног – выкрикнул, что переведется с юридического факультета на журналистский. Это было шоком для отца. Да что говорить, это было шоком даже для самого Джорджа.

– Мне нет дела до твоих желаний или нежеланий! – орал Олдридж старший. – Ты наследник империи, ты должен исполнить долг. Я не позволю поступать как капризный самонадеянный мальчишка. Слишком долго я потакал тебе. Ты станешь моим партнером или станешь никем!

Джордж встал в позу. Упрямство было отличительной чертой семьи Олдриджей, и он сполна унаследовал его от родителя. Джордж ответил, что у него одна жизнь, и он хочет ее прожить так, как считает нужным, а не по указке папаши. Обычная ссора вылилась в долгое многолетнее противостояние. Джордж не думал, что отец прекратит давать ему деньги, но тот полностью перекрыл поступления. Джордж остался совершенно один и без гроша в кармане. Пришлось браться за ум, переехать в общежитие, распрощаться с Порше, костюмами от Бриони, вечеринками и выпивкой.

Бабушка с мамой иногда подкидывали ему денег втайне от отца, но к былому стилю жизни Джордж уже не вернулся. Впервые в жизни он пошел работать. Помог ему в этом профессор Пинс. У того были связи в журналистском мире. Потихоньку, мало-помалу, Джордж открывал для себя необъятный мир современной прозы. И чем больше он писал, тем яснее понимал, что занимается именно тем, чем нужно. Что он все делает правильно. А если иногда его терзали сомнения, он открывал «Сборник международных договоров» или «Гражданский

кодекс» и читал пару страниц.

После университета Джордж пять лет проработал журналистом. Трудился, где придется, даже одно время вел страницу в женском журнале. Быстро слетело высокомерие и аристократизм. Он жил на съемных квартирах, питался в фастфудах, носил дешевые джинсы и стригся в забегаловке в соседнем супермаркете. Оббивал пороги агентств и издательств, пытаясь пристроить очередную статью. Набравшись опыта, Джордж сел за собственную книгу. Заветным желанием было не прославиться, а то, чтобы отец его понял. Чтобы оценил его талант, о котором все твердили, чтобы позволил вернуться в семью. Но и после второй книги, которая, так же, как и первая, стала бестселлером, Олдридж старший не желал разговаривать со строптивым сыном.

А потом Джордж на одном из светских раутов познакомился с Изабеллой Касс. Она обласкивала вниманием молодые дарования, присматривалась к перспективным художникам, поэтам, писателям, приглашала на вечеринки к себе домой. В особняке ее отца постоянно толпился народ. Сеньор Касс сам был из богемы, и Изабелла выросла, окружённая талантами. Она выуживала гениев, словно рыбак в пруду, используя соблазнительную и беспроигрышную наживку – свою красоту, обаяние, неслабые связи в мире картин и изящной словесности.

Между ними сразу же вспыхнула страсть. Конечно, Джордж встречался с девушками. И в колледже, и потом, когда работал журналистом. Но такой изысканной красавицы у него еще не было. Все в ней было идеальным. Лицо, фигура, воспитание, лоск. Умение преподнести самую посредственную мазню какого-то неизвестного художника, как шедевр. Они даже спорили, сможет ли она продать картину вдвое больше, чем она стоила. Изабелла могла, и это восхищало Джорджа.

Изи, как он ее ласково называл, хвалила и превозносила его талант до небес. И это было как бальзам на душу. Он купил в кредит виллу на побережье, недалеко от особняка ее отца. Стал опять носить дорогие костюмы и швейцарские часы. И пусть Олдридж старший по-прежнему отказывался общаться с ним, это не мешало наслаждаться жизнью.

Алан улетел в Париж. Джордж проводил его до вертолетной площадки и вернулся домой. Лаура звала его. Он вошел в кабинет, запер дверь и подошел к картине. Теперь она была в его власти. Странное чувство удовлетворения и обладания охватило Джорджа. Он хотел узнать о ней все – откуда эта девушка,

где родилась, кто был моделью, как и когда была нарисована. Но все потом. А сейчас Джордж просто смотрел. Пристально, жадно, впитывал в себя каждый миллиметр полотна, каждый мазок.

Он увидел, что у девушки были серые, как грозовое небо, глаза; маленькие ушки, почти скрытые золотистыми локонами; ровный изящный носик. Ее пальчики на ногах были со слабым голубоватым оттенком. Скорее всего она замерзла, стоя на каменном полу. Узкое колено натягивало плотную ткань рубашки, поэтому создавалось впечатление, что она собирается делать шаг, но как-то неуверенно, словно боится чего-то. Джорджу вдруг захотелось прижаться губами к картине. Он озадаченно помотал головой, прогоняя странную мысль. Что это с ним? Такого еще не было ни разу.

Он отошел к своему столу, сел, включил ноут и создал чистую страницу. В голове вырисовывался новый роман. Он напишет любовную историю. Он никогда еще не писал о любви, самое время попробовать. Первый его роман был о студентах, второй о слепом мальчике. Героями третьего стала семья беженцев, у которой он брал интервью, работая журналистом. Значит, четвертый будет о любви. О безответной любви бедного юноши и богатой девушки. Возможно, он даже возьмет за основу мир средневековья.

***

Проснувшись от длительного сна, я отвратительно себя чувствовала, в голове мутилось. Я плохо понимала слова, двоилось в глазах, в ушах до сих пор стоял равномерный тоскливый гул. Я медленно выплывала из пустоты в новый молодой мир. Меня продали? Этому элегантному красавцу-писателю? Для чего я ему нужна, и что теперь со мной будет? Увы, мало что зависело от моего желания или нежелания. Я не имею права голоса, не имею ног, чтобы сбежать, или рук, чтобы выбраться из рамы. Я лишь изящно нарисованное изображение давно умершей девушки.

Мужчина сидел за широким столом и чем-то стучал. Звук был подобный на далекий стук каблучков по галерее. Иногда он поглядывал в мою сторону, и я встречалась с проницательными ярко-голубыми глазами.

За спиной у писателя располагалось огромное широкое окно, и я впервые в своей жизни увидела океан. Это потом, спустя много дней, я узнала, как

называется эта бескрайняя серая колышущаяся масса воды. А вначале я была просто поражена и напугана. Дом стоял на холме, с которого открывался ошеломляющий вид. Я видела солнце, опускающееся за горизонт, огромных птиц, планирующих над водой, видела зеленую траву, деревья и камни. И все это только из одного единственного окна. Как же много всего в мире! Как же он огромен и интересен! А я за столько веков знала только гостиные, спальни и музейные залы.

Был еще один огромный плюс в моем теперешнем расположении. Справа от стола писателя стоял шкаф с книгами. Его дверцы были стеклянными. И всегда, когда писатель открывал створку, чтобы достать какую-либо книгу, в стекле отражалась моя картина. Не очень четко и немного искаженно, но я могла видеть себя со стороны.

Да. Это она, та самая Лаура, которую я видела давным-давно. Но все-же немного другая. Та Лаура была покорным, робким цветком, безропотно смирившимся со своей судьбой. Девушка же на картине смелая и сильная. Такая, какой хотел ее видеть мой Создатель. Он отдал свою жизнь за то, чтобы она жила. Вложил в нее всю свою любовь, боль, страсть… И я… ожила.

Прошло несколько дней. Мужчина просиживал в кабинете с раннего утра до позднего вечера, или барабаня пальцами по клавишам, или черкая что-то в блокноте. Часто он подходил к картине и всматривался в мое лицо, задумчиво кусая губы. Я в ответ рассматривала его. Молодой, красивый и талантливый. Джордж Олдридж младший. Так называл его друг, который привез меня и помог повесить. А еще постоянно восхвалял его книги и быстрый взлет карьеры.

Я видела много в своей жизни красивых мужчин. Иногда они восхищались мной, иногда нет. Иногда они нравились мне, иногда нет. Молодые пылкие юноши, талантливые студенты, взрослые успешные джентльмены. Художники, композиторы и поэты воспевали мою красоту, посвящали мне свои произведения, поэмы, баллады, песни. Называли музой, нимфой, богиней.

Но все они старели и дряхлели через время. Молодость быстро проходит. И вчерашний юноша в следующий раз приходил ко мне с женой и детьми, а потом и с внуками. Зачем мне привязываться к кому-то? Кто вскоре уйдет за грань? Люди смертны. А я перейду в руки другому коллекционеру, другому любителю антиквариата. И все будет по-прежнему.

Слуги редко заходили в кабинет. В основном убиралась одна пожилая смуглая женщина, которая разговаривала на сербском. Я этот язык немного знала, поэтому из скудных фраз, которые она бубнила себе под нос, я сделала некоторые выводы.

Мы жили на побережье Испании. Возле Барселоны. Ирония судьбы, через пятьсот лет после рождения я сделала круг и вернулась туда, куда должна была в итоге попасть – в Каталонию. Только вряд ли меня найдут потомки Родригеса Пуэрто, чтобы узнать во мне Лауру де Монтиньонес. Давно нет на свете ни Лауры, ни Родригеса, ни моего Создателя.

Я выучила новые слова – телефон, спутник, антенна, телек, автомобиль. А та непонятная вертикальная книжка на столе писателя, в которой он пишет книги, называется ноутбук.

Джорджу Олдриджу было около тридцати. Прославился он совсем недавно. Как я поняла из отрывочных разговоров слуг, в прошлом месяце вышла в свет его третья книга. Старший сын какого-то богача поругался с отцом, желавшим для сына юридического или финансового образования. Они не общаются до сих пор.

Этот коттедж на берегу моря он купил всего полгода назад, а до этого жил в разных гостиницах, в разных странах, разъезжая по миру. Характер замкнутый, высокомерный и заносчивый. И пусть он не общается с отцом, слуги по-прежнему называют его богатеньким наследником.

– Здравствуй, Лаура, – каждое утро приветствовал он меня, садился за стол и открывал ноут.

Ему приносили кофе, он задумчиво смотрел на полотно и отхлебывал напиток. Я чувствовала, что нравлюсь ему. Это было понятно по яркой живительной энергии, что вливалась в меня каждый день. Я становилась сильнее и крепче. В памяти всплывали мельчайшие подробности моей «жизни» от создания в замке дона Монтиньонес до сегодняшнего момента. Так четко я еще не мыслила. Наверное, энергия писателя была мне по вкусу, но и у него дела шли прекрасно. Он барабанил по клавиатуре без перебоя, с утра до вечера, даже кухарка однажды посетовала, что мистеру Олдриджу нужно хоть иногда выходить на улицу, а то он прирастет к креслу. Писатель только отмахивался и сердился.

Я уже решила, что он одинокий трудоголик, как вдруг однажды вечером к нам пришла гостья.

– Привет, дорогой, – в кабинет впорхнула красавица.

Я с легкой завистью осмотрела элегантный светлый костюм, обтягивающий стройную фигуру, голубые туфли на высоких каблуках и изящную маленькую сумочку в тон.

– Привет, Изи, – писатель поднял голову и потер кулаком покрасневшие глаза.

– Почему ты не одет? – девушка быстро огляделась и добавила гневно. – Ты что, забыл?!

– Э-э… – Джордж виновато развел руками. – Я тут немного заработался.

Красавица фыркнула, подошла ближе и ласково провела рукой по мужскому подбородку.

– Ты начал новую книгу? Когда?

– Пару недель назад, – мужчина коснулся губами щеки красавицы, та немного отодвинулась, шепнув: – Не испорти макияж.

– Так куда мы идем? – бодро продолжил он, вставая из-за стола.

– Сегодня выставка работ Умберто Николло. Помнишь, ты мне говорил, что хочешь купить картину в кабинет? Так вот, я договорилась с его агентом. Тебе дадут карт бланш. Он сейчас самый модный художник в Испании, все становятся в очередь, чтобы заполучить его работы.

– Стоп-стоп, – Джордж нежно взял девушку за плечи и развернул ее ко мне лицом, – смотри. Я уже купил картину.

Девушка уставилась на меня и я, наконец, смогла рассмотреть ее обстоятельно. Увы, как не прискорбно осознавать, но Изи (или как там ее) была настоящей красавицей. Черные гладкие волосы обрамляли узкое породистое лицо. Макияж

при такой яркой внешности был почти незаметен. Полные чувственные губы чуть тронуты блеском, высокие скулы с бледным румянцем, чистая золотистая кожа. Только глаза, большие, томные, подчеркнуты черным карандашом. «Да, – подумала я, – сейчас в моде умеренность в макияже, совсем не так, как в прошлое мое пробуждение. Тогда все красились очень броско. Мода опять поменялась?»

Девушка с писателем представляли собой великолепную пару. Оба высокие, элегантные, красивые. Правда, у писателя были немного растрепанные волосы, так как он любил ерошить челку, когда задумывался над какой-то сложной фразой. А у девушки прическа была идеальна, волосок к волоску. У меня дрогнуло что-то внутри, и пусть «внутри» у меня ничего не было, но почему-то стало очень неприятно и беспокойно.

«Уходите, уходите прочь», – мысленно приказала я им, стараясь избавиться от тревожащего чувства.

Что это такое – я еще не понимала, но что-то нехорошее.

– Неплоха, – наконец произнесла девушка, подойдя ближе, – но это же чистейший классицизм. Никто сейчас не покупает классику, она не модная и неинтересная.

Не раз и не два слышала я подобные заявления. Не модная. Ха! Пройдут века, и я опять буду на вершине моды, мне ли этого не знать. Все проходит. И мода меняется так же быстро, как длина юбок.

– Мне интересна, – ответил писатель, – я случайно столкнулся в Барселоне с Аланом Мерфи. Помнишь, я говорил, что учился с ним в колледже? Так вот. Он, оказывается, подпольно продает картины.

– Так это чернуха? Как ты мог сделать такую глупость?! – воскликнула девушка возмущенно. – Это выброшенные деньги на ветер!

– Это мои деньги, – с одной стороны мягко, а с другой непреклонно заявил Джордж, – и я сам буду решать, куда их тратить.

О! Мужчина показал клыки. Я перевела взгляд на красавицу. Она тут же сникла. Обняла писателя за плечи и склонила набок прелестную головку.

– Ты никогда не разбирался в живописи, – с легкой насмешкой произнесла она, меняя тему, – а я окончила Парижскую высшую школу изящных искусств. И мой папа был куратором музея д’Орсэ.

– Да-да, конечно, ты права, – легко согласился Джордж, улыбнувшись, – но, ты только посмотри… Она как живая.

– Ну и что! – фыркнула девушка. – Сфотографировал бы меня, повесил на стену и любовался бы. Я тоже была бы как живая на фотографии.

Писатель развернул красавицу к себе, с нежностью смотря ей в глаза.

– Зачем мне тебя фотографировать? Ты рядом со мной, прелестная, цветущая, энергичная. Полна жизненных сил и темперамента.

Мне опять стало нехорошо.

– Ладно, – девушка мило улыбнулась, – надеюсь, ты за нее немного заплатил?

Писатель неопределенно пожал плечами.

– Немного. Намного меньше, чем она реально стоит.

– Значит, у тебя остались деньги на Николло? Я все-таки собираюсь тебе подобрать картину. Пойдем, не хорошо опаздывать.

– Дай мне десять минут, я переоденусь, – Джордж подхватил Изи под руку и они направились к выходу, – если хочешь, можешь подняться со мной.

Девушка игриво рассмеялась.

– Ну уж нет! Я помню, чем это закончилось в прошлый раз. Придем с выставки, и я поднимусь, куда захочешь.

Голоса затихли, я уныло уставилась в окно. Предстоит одинокий пустой вечер. Сейчас, когда во мне плескалось столько энергии, я не погружалась в беспамятство, а постоянно была в сознании, и мне все время хотелось свежих впечатлений. Я, как губка, впитывала новые слова, фразы. Самолет, пылесос, компьютер, мобильник. Сначала они были непонятны, потом, постепенно обретали объем, смысл, суть. Я даже пыталась учиться читать, чего никогда еще не делала за сотни лет своего существования. На столе у писателя были разбросаны книги, газеты, журналы. Я видела буквы, запомнила несколько наименований. Но, увы, самостоятельно читать было очень трудно. Если бы кто-нибудь мне помог.

Заурчал двигатель, из-за угла дома показалась темно-серая повозка на четырех колесах и, поблескивая красными огоньками, умчалась вдаль. Я грустно осмотрела «свою» комнату. Стол, шкаф, кушетка, пушистый ковер на полу. Значит, у Джорджа есть любимая девушка? Я вспоминала, как он на нее смотрел, и мне становилось горько и тоскливо. Я не понравилась ей. Неинтересная классика, не модная и не современная. Если они завернут меня в чехол и бросят в подвал, я этого не переживу.

Вернулись они поздно. Я рассматривала звезды на небольшом кусочке неба, который был виден с моего ракурса, когда вдалеке показались фары автомобиля. Джордж даже не зашел ко мне, не пожелал спокойной ночи, как делал обычно, не сказал, какая я красавица. Я слышала неясный звон стекла в гостиной, глухой смех, топот каблучков по лестнице. Все стихло. Они поднялись на второй этаж. Конечно, я догадывалась, чем они будут заниматься, я же висела несколько лет в фойе самого лучшего борделя в Неаполе и повидала многое, но почему-то мое сегодняшнее одиночество было особенно безрадостно. Ночь тянулась и тянулась, постепенно гасли звезды, прошел небольшой дождик, я слушала, как он стучал по карнизу. Спустя время начал медленно светлеть горизонт. Море окрашивалось в розовато-серый. Наконец наступило утро.

– Привет, Лаура, – Джордж энергично вошел в кабинет.

Он выглядел, как человек, с нетерпением ожидающий встречи с любимой работой. Летние светлые брюки, рубашка-поло, влажные блестящие волосы. Какой же он красивый!

Я мысленно ответила: «Привет, Джордж», на душе стало светло и радостно. Ничего не изменилось в наших отношениях, он, как и прежде, разговаривает со

мной, как и прежде смотрит со странной смесью обожания и нежности.

– Поработаем? – Джордж тепло улыбнулся, и я растаяла от его улыбки.

«Ты работай, а я посмотрю», – произнесла молча.

Джордж сел за стол и открыл ноут.

Изабелла пришла в кабинет, когда солнце скрылось за крышей дома.

– Ты давно пишешь? – сонно спросила она.

Присела на кушетку и налила кофе из кофейника. Тонкий шелк соблазнительно обрисовывал великолепную фигуру. Гладкое бедро пикантно выглянуло из-под полы распахнувшегося пеньюара.

– Несколько часов, – ответил Джордж, продолжая стучать по клавишам, – ты так крепко спала, что я не решился тебя будить.

– Куда мы повесим Николло? – девушка рассеяно обвела глазами комнату.

Она выглядела, как кошка, объевшаяся сливок: сытая, довольная, счастливая. Что-то темное и злое зашевелилось внутри меня. Внезапно так захотелось оказаться на ее месте. Сидеть на мягком диване, пить ароматный напиток, буднично и просто разговаривая с тем, кем я втайне восхищаюсь. Шутить, перебрасываться новостями, смотреть на него, словно он мой.

– Не знаю, – равнодушно бросил писатель, – может, в гостиной?

– Повесь в кабинете, она будет неплохо смотреться на месте «Лауры».

Джордж задумчиво поднял голову. Его взгляд медленно скользил по картине, задерживаясь на моем лице, теле, босых ногах. Я с упавшим сердцем мысленно умоляла: «Не снимай меня, оставь, мне так хорошо здесь».

– Нет, Изи, – произнес он, в конце концов, и покачал головой, – я не знаю, что происходит, но мне кажется, она помогает мне писать.

Изабелла удивленно уставилась на мужчину. Я, признаться, тоже была ошеломлена.

– За тот месяц, что она у меня висит, я написал больше, чем за прошлые полгода, – Джордж посмотрел на девушку и смущенно улыбнулся, – когда я на нее смотрю, мне в голову приходят такие мысли. Сам не знаю, как объяснить.

– Я начинаю ревновать, – со смешком произнесла Изабелла, откинувшись на подушки, – ты говорил – я твоя муза.

– Конечно, ты, – Джордж с улыбкой смотрел на красавицу, – но ты бываешь у меня так редко.

– Джордж, ты же знаешь. Я могу быть с тобой постоянно, – голос Изабеллы стал вкрадчивым и ласковым, – тебе стоит только захотеть.

– Поговорим об этом позже, – произнес Джордж, – мне нужно закончить книгу.

Мне показалось, девушка коротко грустно вздохнула. А я настороженно переводила взгляд с одного лица на другое, не понимая, о чем это они.

– Ты посмотри, как она одета? Это же ночная рубашка! – воскликнула вдруг красавица. – Тогда лучше бы ее повесить в спальне.

«Как я одета?! – возмущенно подумала я. – Ты сейчас одета, точнее раздета, еще больше меня. Не хочу в спальню. Видеть их наготу, их занятия любовью, слышать страстный шепот. Да я с ума сойду!»

То, что было интересно и познавательно в публичном доме в Неаполе, сейчас внушало страх. Почему так произошло, я не хотела задумываться.

– Ты права, Изи. Она в рубашке и простоволосая, что довольно странно для картины шестнадцатого века. Но, понимаешь, Лаура не подходит для спальни, – Джордж весело хмыкнул, – иногда мне кажется, что девушка живая и смотрит

на меня. Я не хотел бы, чтобы кто-то смотрел на меня, когда я раздет.

Изабелла презрительно фыркнула, губы сложились в насмешливую гримасу.

– Да, да. Не смейся. Это правда. А однажды мне показалось, что она излучает сияние.

– Это в тебе буйное писательское воображение говорит, – произнесла Изабелла и встала с кушетки. – Мне пора на работу. Вечером еще одна выставка, в салоне без меня не справятся. Встретимся завтра?

– Давай на следующей неделе? Или лучше через две. Хочу поскорее закончить книгу и отдать агенту.

– Конечно, заканчивай, – девушка подошла к двери, – потом отметим. Надеюсь, будет бестселлер.

– Обязательно. Пока. Звони.

Изабелла вышла из кабинета, и мы остались одни. Наконец. Джордж погрузил пальцы в волосы и взъерошил пряди. Глотнул из чашки остывший кофе, перевел взгляд на меня.

– Какая же ты красивая, – прошептал одними губами, но я услышала. Стало хорошо и тепло. Мы вдвоем и никакие Изабеллы нам не нужны.

***

Джордж опустил голову на сложенные в замок руки. Роман получался слишком грустным. Но он уже был не властен над судьбами героев. Они жили своей жизнью, совершая дурацкие поступки, говорили обидные слова, предавали, мстили и отрекались. Он, как марионетка, шел за ними, привязанный за ниточку и просто наблюдал, старательно конспектируя.

Он вновь посмотрел на «Лауру». Казалось не проходило ни одной минуты, чтобы он не бросал на нее взгляд. За эти месяцы она заметно изменилась. Стала объемнее, ярче, живее. Или это ему кажется? Сутками в одиночестве еще и не

то привидится.

Джордж решительно встал из-за стола и покинул комнату. Сегодня предстоит провести вечер с Изабеллой и ее родителями. Не хотелось бы опаздывать, тем более, что ему еще нужно заехать в одно место. И так Изи постоянно говорит, что он одержим картиной и работой. Хотя к работе она не слишком ревнует, больше все же к «Лауре».

Конечно, он догадывался, чего хочет Изи. Да и сам понимал – лучшей пары ему не найти. Умна, красива, талантлива, с отличной родословной, связями и работой. У нее был свой художественный салон в Барселоне и небольшая квартирка в центре. Сколько раз Джордж не предлагал ей переехать к нему, она отказывалась. Объясняла это тем, что пока они не женаты, это будет неправильно. А вот когда поженятся… Джордж предполагал, что Изи боялась того, что если они будут жить в гражданском браке, он вообще может не решиться на такой ответственный шаг, как свадьба.

Друзья и знакомые ему завидовали. Он не знал, почему такая видная красивая девушка выбрала молодого писателя, не особо богатого и знаменитого. Но не собирался упускать свой шанс. Ему скоро тридцать один. Пора заводить семью, детей.

Джордж заехал в ювелирный магазин и купил кольцо. Небольшой квадратный бриллиант в один карат будет прекрасно смотреться на ее пальчике. Если Изи захочет, они купят побольше. Но Джордж был уверен, что хорошо выучил характер избранницы за тот год, в течение которого они встречаются. Изи не сноб, она никогда не была тщеславной или заносчивой. Наоборот. Ночевала с ним в съемных квартирах, пока он не купил виллу. Вела переговоры с крупными издательствами, отстаивала его интересы. Он многим обязан ей. Теперешней славой, миллионными тиражами, гонорарами.

Джордж сел в автомобиль, задумчиво вертя коробочку в руке. Некоторое беспокойство по поводу свадьбы все же было. Но он отнес его к обычному мужскому страху перед оковами брака с одной единственной женщиной на всю жизнь. Он еще раз перечислил в уме достоинства возлюбленной, вспомнил ее красоту, изящество, страстность, покладистый характер. Даже когда он пару раз во сне назвал ее Лаурой, она не обиделась. Изи знала, что никакой живой Лауры у него нет, а нарисованная ей не соперница. Джордж засунул футляр с кольцом во внутренний карман и завел мотор Мерседеса.

Его ждали. Ворота особняка были распахнуты настежь, окна сияли яркими огнями. Джордж раньше много раз бывал в доме Касс, был знаком с родителями, знал слуг, но сегодня особый случай. Торжественный. Он будет просить руки их дочери.

– Добрый вечер, – поклонился Джордж, целуя руку миссис Касс.

Мать Изи выглядела сногсшибательно. Еще один плюс к его решению. Если Изабелла так будет выглядеть в пятьдесят, он посчитает, что ему крупно повезло.

Мужчины обменялись рукопожатиями, Изи мило поцеловала его в щеку. Когда с приветствиями было покончено, Джорджа пригласили в столовую. Хрусталь, серебро, белоснежные салфетки – все выглядело так, словно он попал не на семейный ужин, а как минимум на банкет в честь коронации. За последние десять лет он отвык от подобных церемоний, но для того, чтобы произвести впечатление на будущих родственников, он потерпит.

Разговор шел о его последней книге. Изабелла хвалилась, что благодаря ей, книга стала такой популярной, была сразу же переведена на пять языков. Ее связи помогли Джорджу получить миллион продаж за первую неделю. Джордж молча кивал и улыбался, любуясь девушкой. Все-таки правильно, что он решился. Она станет великолепной женой.

– Я слышал, Ваш отец строит шикарный отель в Мадриде, – вдруг произнес мистер Касс, – открытие запланировано на начало года.

Джордж уклончиво пожал плечами. Ему не понравилось внимание к его семье. Тема была болезненной и неприятной. Его упрямство, упрямство отца до сих пор саднило и причиняло боль.

– Мы не общаемся, – сухо ответил он, надеясь раз и навсегда закрыть эту тему. Не тут-то было.

– Вот это зря, молодой человек, – отец Изабеллы пристально уставился в лицо Джорджу, – нужно поддерживать родственные отношения. Семья – это основа всего. Я надеюсь, Вы когда-нибудь помиритесь со своим отцом?

– Я тоже надеюсь, – уклончиво ответил Джордж, взглядом умоляя Изабеллу перевести разговор на другую тему.

– О чем будет твоя следующая книга? – мгновенно поддержала его любимая.

После ужина они поехали к Изабелле на квартиру. Джордж редко ночевал у нее. Но сегодня кольцо прожигало дыру в пиджаке и требовало решительных действий. Нужно было закончить торжественный вечер финальным аккордом. Джордж не сомневался, что она примет его предложение, слишком часто она намекала на это.

– Не обижайся на папочку, – произнесла Изи легкомысленно, когда они мчались по ночной Барселоне, – он считает, что семья важнее всего. Старая закалка.

– Наверное, он прав, – ответил Джордж задумчиво, – но сколько раз я не пытался поговорить с отцом, тот не хочет меня слушать. Должно быть или по его, или никак. А я не собираюсь бросать писать.

Девушка непонимающе уставилась на Джорджа.

– Это то единственное условие, которое он поставил мне для возврата в семью, – пояснил он, – я отказываюсь от своей блажи и беру управление несколькими отелями. Иначе, он не желает обо мне слышать. Отец не признает никаких талантов, кроме таланта финансиста.

– А ты смог бы совмещать управление отелями и творчество? – задала Изабелла странный вопрос.

– Как ты себе это представляешь?

Изи неуверенно пожала плечами. Они надолго замолчали. Джордж вел автомобиль сквозь разноцветную неоновую вуаль ночного города, и мрачные мысли одолевали его. Тогда, десять лет назад, он был молод, упрям и глуп. Возможно, он мог поступить по-другому, не так категорично. Не доводить дело до ссоры, не бросаться резкими фразами, не действовать напролом. Джордж просто хотел, чтобы его услышали, поняли. Хотел доказать, что он что-то стоит в этой жизни без знаменитой фамилии Олдриджей. А сейчас… Пройдя через

бедность, трудности, испытания, он уже не представлял себе другой жизни. Да и не хотел. Он просто хотел звонить иногда отцу, брату. Встречаться на праздники в их фамильном особняке, разговаривать, шутить. Хотел, чтобы они гордились им, чтобы на полках, в кабинете отца, стояли его книги…

– Когда-нибудь он смягчится, – неуверенно произнесла Изабелла, – ты все-таки его старший сын.

– Возможно, – пожал плечами Джордж и завернул в переулок, где находился дом Изи.

Квартира Изабеллы была небольшая, одна спальня и гостиная. Она находилась на последнем этаже новой высотки, и с нее открывался великолепный вид на Барселону. Джордж уже минут пятнадцать неподвижно стоял у огромного углового окна, собираясь с духом. Изабелла ушла в спальню переодеваться. Джордж дернул за галстук, ослабляя узел. Снял пиджак, не отрывая взгляд от мелькающих внизу красных огоньков машин. Тяжелый день, тяжелый вечер. Ну, может быть, хоть ночь удастся?

– Выпьешь? – Изи тихонько подошла и протянула бокал с шампанским.

Джордж молча кивнул. Что-то держало его за горло мертвой хваткой, не давая выдавить ни слова. Пора бы уже взять себя в руки и решиться, а он стоит, как истукан, и пялится на город.

Изабелла обняла его за талию и склонила голову на грудь. Джордж вздохнул и перевел взгляд на возлюбленную. Нежная, красивая, умная. Он любовался ее точеным профилем, длинными ресницами, идеальными дугами бровей, но думал почему-то о другой девушке. Нарисованной. С испуганными серыми глазами и узкими бледными ступнями на каменном полу. Как же ей одиноко и страшно там, в темноте. Как тоскливо и холодно!

Хватит! Он сходит с ума! Нет никакой девушки, и никогда не было. Джордж мотнул головой, прогоняя абсурдные мысли.

– Любимая, – Джордж отошел назад и решительно вынул футляр из кармана, – ты выйдешь за меня замуж?

Глаза Изабеллы восторженно вспыхнули. Радостная улыбка озарила лицо.

– Как долго я этого ждала! – воскликнула она. – Конечно! Я стану твоей женой!

***

Мчались часы, дни, недели. Джордж и я отгородились ото всех, закрывшись в своем маленьком уютном мирке, до верху наполненном книгами, сказочными историями, творческой дружественной атмосферой. Я смотрела на него постоянно, и он превращался для меня в целый мир. Я узнавала его привычки, пристрастия, манеры. Его характер, темперамент, склонности. Он вовсе не был тщеславным и высокомерным, каким он мне показался сразу, и каким его видели слуги. Да, он был замкнутым, необщительным и молчаливым. Из-за этого все думали, что он задирает нос. Совсем нет. Когда он узнал, что у кухарки разбился на мотоцикле сын, он сразу же позвонил знакомому врачу и оплатил операцию. Анонимно. И никто, кроме меня и доктора, об этом не узнал. Он всегда давал премии служащим и посылал на праздники цветы матери.

Я знала о нем все. Какой кофе он любит по утрам, как смешно морщится, когда солнечный луч бьет в глаза, как потягивается, разминая уставшие плечи. Я видела, как он улыбается, когда вспоминает что-то приятное, и как взволнованно дрожит его голос, когда он спрашивает о здоровье отца, звоня младшему брату.

Я никогда так долго не наблюдала за одним человеком. Проникалась его мировоззрением, его привычками и убеждениями, я формировала свой характер по его образу и подобию, становясь похожей на него, как две капли воды.

Конечно, я любила своего Создателя. Но я знала его слишком мало. Я оживала только в короткие промежутки времени, когда он разговаривал со мной. Их было недостаточно, чтобы сложиться как личность, заполнить пустоту, царившую в душе. Я любила Создателя, как своего родителя, как ребенок любит отца или мать. Бездумно, инстинктивно, на подсознательном уровне.

Теперь же, когда у меня сложился характер, я понимаю, чем та любовь отличается от этой, которая сейчас расцветает внутри. Да, я говорю с уверенностью – я влюблена в писателя. Всей своей нарисованной женской сущностью, несуществующим сердцем, всей древней раритетной душой. И мне

больно и грустно от того, что он никогда не узнает о моей любви, никогда не обнимет, никогда не поцелует меня, так как он целует свою Изабеллу.

Его четвертая книга прекрасно продавалась. Джордж устроил по такому случаю прием, и я весь вечер слушала приглушенные дифирамбы и тосты в его честь. В кабинет никто не заходил, только близкие друзья и Изабелла. Почти всегда Джордж запирал его на ключ, наверное, боясь, что кто-нибудь увидит меня и узнает картину, украденную из пражского музея. Поэтому я наблюдала за праздником из окна и прислушивалась к разговорам в гостиной.

Я не сомневалась, что Джордж талантлив. Иначе, как я могла получить столько энергии, которая сейчас бурлила во мне? Мне казалось, кровь пульсирует у меня в жилах, и сердце колотится в груди. Иногда даже чувствовала запах кофе, который стоял у него на столе или аромат парфюма после бритья, чего раньше никогда не было.

Я не видела, как Джордж делал Изабелле предложение, мне хватило того, что оно вообще состоялось. Долгими ночами, не в силах провалиться в небытие, я представляла в своем воспаленном воображении, как это могло произойти, и рана в груди ширилась и кровоточила. Может быть, он сделал его в ресторане, за ужином, и бриллиант сверкал на белоснежной скатерти? Может, в гостиной, стоя перед ней на коленях, протягивая бархатную коробочку, призывно улыбаясь снизу вверх? Может, они вышли на яхте в море, и под шум волн он целовал ее на палубе?

Я ничего не могла сделать. Свадьба состоится в первый день осени, значит, у меня еще есть месяц, чтобы смириться с этой мыслью. Как я буду жить дальше, наблюдая за их счастьем? За поцелуями, объятиями, ласками? Как не сойти с ума, если я не в состоянии закрыть глаза или отвернуться? Почему я не могу опять впасть в небытие и проснуться через сто лет? Зачем я вообще влюбилась? Бесконечные вопросы и ни одного ответа. Одно единственное счастье оставалось у меня – день за днем смотреть на Джорджа, слушать голос, впитывать эмоции.

Я наблюдала, как он быстро барабанит пальцами по клавиатуре и ловила каждый его вздох, поворот головы, движенье плеч, боясь пропустить даже незначительное событие, сохраняя в памяти драгоценные моменты.

Он опять сел за новую книгу. Изабелла взяла на себя организационные вопросы и подготовку к свадьбе. Джордж отдал ей какой-то маленький пластиковый прямоугольник и сказал, чтобы покупала все, что нравится.

Мы снова остались одни. Почти как прежде Джордж разговаривал со мной, как раньше он был приветливым и милым, смотрел на меня восторженно и нежно, говорил, что я прекрасна. Но теперь, все было не то и не так. Горькая безысходность охватила меня. Она беспощадно терзала, не давая наслаждаться общением и его вниманием. Он чужой, он скоро женится.

Теперь я знаю, что это за чувство, которое я испытывала, смотря на Изабеллу. Это чувство – ревность. Откуда же мне было знать? Я никогда ранее не испытывала подобного. Но сейчас я могу с уверенностью утверждать – я ненавижу эту женщину. Всем сердцем ненавижу. Если бы могла, я бы вцепилась бы ей в волосы, разодрала ногтями красивое лицо. Что-то темное и безумное поселилось внутри, разъедая душу. Оказывается, если бы я была человеком, я была бы гадким и злым существом. Как горько это осознавать.

Я уговаривала себя. Смирись. Ты – неживая. Ты не сможешь дать ему того, что даст Изабелла. Не сможешь согреть ночью, родить ему детей. Да что там! Даже поговорить по душам с ним не сможешь. Ты будешь бесконечно смотреть на то, как они любят друг друга. Смотреть на их детей, внуков. А потом увидишь его смерть. И твое сердце разобьется от горя. Хотя. У тебя же нет сердца и нечему разбиваться?

Изабелла приходила к нам в дом, словно к себе домой. Порхала от радости, улыбчивая и счастливая. Она говорила о том, сколько приглашений отправила и у какого кондитера заказала торт. Что на торжество прилетят мать и брат Джорджа, но она все-таки надеется, что и старший Олдридж согласится приехать. Она показывала эскизы платьев для подружек и отрезы кружев на фату. Я тихо зверела, а Джордж улыбался и кивал, особо не вникая в разговор.

И, наконец, этот день настал. Самый тяжелый день в моей жизни – свадьба Джорджа. Я смотрела в окно и видела белоснежные ряды столов, расставленных в саду. Огромные букеты роз в роскошных вазах. Видела снующих официантов в бело-черных фраках. Видела, как вереница автомобилей выстроилась вдоль дороги. Начали прибывать гости. Джордж запер кабинет еще вчера вечером, и я боялась, что до свадьбы я его не увижу. Но нет. Он пришел перед церемонией. В черном элегантном смокинге, красивый и чужой.

– Здравствуй, Лаура, – ласково произнес он, подойдя ближе.

Я смотрела в его голубые глаза, и моя душа корчилась от боли.

Джордж грустно улыбнулся своим мыслям.

– Ты прекрасна, как солнечный свет, – он провел ладонью по раме, обвел контур нарисованного лица, – как луч, играющий с водой на гладкой поверхности моря.

Он тронул мои волосы, спустился вниз и погладил кончики пальцев на ногах. Вдруг я почувствовала его теплые касания. Это было потрясающе. Что происходит?! Я ощущаю прикосновения? Это немыслимо!

– Ты самая красивая девушка на свете. И я… – голос его дрогнул. – Но ты не живая, – закончил печально Джордж и отвернулся.

– Я живая! – крикнула я изо всех сил, стремясь удержать его еще хоть на мгновенье. – Не уходи! Не бросай меня!

Увы, он не услышал. В дверь постучали.

– Мистер Олдридж, пора, – произнес кто-то глухо.

Джордж встрепенулся, словно очнувшись от дремы, и решительно направился на выход. Сейчас он уйдет прочь и будет потерян для меня навсегда.

– Я живая! Я заперта здесь, в картине. Я люблю тебя! – кричала я изо всех сил.

Дверь траурно хлопнула, отсекая жизнь до и после. Я осталась в кабинете одна. Древнее нарисованное полотно. Бесплотная душа, запертая в рамке из дерева. Я рыдала от безнадежной тоски, но никто меня не слышал.

Не знаю, сколько прошло времени. В голове мутилось. Я кричала и кричала, страстно желая избавиться от этой невыносимой муки, скрыться, раствориться в забвении. Но облегчение не приходило.

Вдруг дикая острая боль скрутила тело. Резко потемнело в глазах. Я не понимала, что происходит, что со мной. Я никогда не испытывала физической боли, только душевную, а сейчас я чувствовала каждую пульсирующую мышцу, каждую агонизирующую клеточку своего тела. Больше всего болела грудь, ее разрывало от жгучего жара. Казалось, еще немного, и я потеряю сознание, которое и так уплывало от нестерпимой боли. Я судорожно открыла рот и инстинктивно сделала первый вдох.

Сразу стало легче. Грудь рвано глотала воздух, мрак в глазах понемногу рассеивался. Я осмотрелась… Пол так близко, я лежу, почти уткнувшись в гладкие деревянные доски паркета. Руки… Белая ткань моей рубашки… Босые ноги, выглядывающие из-под подола. Правая рука сжимает потухшую свечу… Боже, что со мной?!

Я медленно повернула голову, морщась от боли в мышцах шеи. Передо мной возвышался письменный стол Джорджа, слева шкаф с книгами, кресло. Еще назад… Моя картина. Позолоченная рама с пустым серым пятном внутри. Где же я? Вдруг я услышала шаги по коридору и негромкие голоса. В панике попыталась встать, но ноги не держали, и я снова упала на пол. На четвереньках, как раненое животное, поползла к окну и забилась под письменный стол, скрючившись, зажав рот ладонью. Свечу зашвырнула под шкаф.

Щелкнула ручка, в комнату вошли люди. Послышался смех, громкий шепот.

– Ну, давай же… – звук поцелуев, шуршание одежды, – скорей.

– Ой, мы в кабинете… Черт, он не заперт, – мужской голос мне показался смутно знаком. Алан Мерфи? Коллекционер? Ничего не помню, в голове все путалось. Мужской голос продолжал, – Джордж меня убьет, если узнает… Как же он мог ее не запереть?

– Что узнает? – девушка нетерпеливо захихикала.

– Давай поищем другую комнату, Джордж не разрешает никому сюда входить.

– Фи, какой ты зануда, – ответил девичий голосок.

Дверь опять хлопнула, гости покинули комнату. Слава Богу.

Я смотрела на свои пальцы. Тонкие, бледные, с коротко постриженными ногтями. Спутанные золотистые волосы в беспорядке рассыпались по плечам, укрывая бедра, ноги и весь пол под столом. Я потерла ткань рубашки. Кожа ощутила шероховатость полотна и сразу же откликнулась россыпью иголочек вверх по руке. Странное ощущение.

Значит, я ожила? У меня появилось настоящее тело? Я ущипнула себя за бедро. И оно заболело! Как же это случилось? Что произошло?

Я не могла сейчас думать об этом, слишком плохо себя чувствовала, слишком была напугана и обижена. Джордж женится. Уже женился! Воспоминание тяжелым молотом ударило в грудь, и тут же глазам стало горячо и мокро. Что это? Я потянулась пальцами к лицу и дотронулась до век. Откуда вода? Я плачу?

Опять послышались голоса в коридоре. Уф. Прошли мимо. Нужно выбираться отсюда. Скорее. Вдруг придет жених с невестой? Как я смогу объяснить свое появление, если меня кто-нибудь увидит? Что скажу? Сердце опять болезненно сжалось.

Я выбралась из-под стола и попыталась встать, опираясь о кресло. Ноги не держали, икры горели огнем, колени подгибались. В итоге бросив эту затею, на четвереньках поползла к боковой двери. Я знала, где она находится, скрытая дверь за шкафом. Она вела прямо в гараж, и Джордж пользовался ею, когда хотел уйти от нежелательных посетителей.

Гараж был пуст. Большое квадратное помещение со странным запахом. Здесь было столько непонятных вещей, никогда мной не виденных. Но сейчас совершенно некогда рассматривать их. Я ползла по бетонному полу, обдирая руки и пачкая белую рубашку, молясь только об одном – чтобы кто-нибудь не вошел и не увидел меня здесь. С улицы доносились смех и музыка, голоса гостей то приближались ко мне, то отдалялись. Я заглянула в щель приподнятых ворот и не увидела ни накрытых столов, ни фигур людей. Мне крупно повезло – ворота гаража выходили на задний двор.

Но как же поднять эту металлическую решетчатую пластину? Ни кнопки, ни рычага рядом не было. Я сидела на холодном стылом полу и плакала от

бессилия. В итоге легла на живот, распласталась под воротами и с огромным трудом протиснулась под ними, стараясь не дотрагиваться до острого металлического края. Но рубашку все-таки порвала, зацепившись за зубцы.

Я оказалась снаружи. Надо мной голубело небо, ветерок обдувал мокрое лицо. Выбралась. Теперь бежать! Куда глаза глядят. Из его дома, от его жены и счастливого семейства. От всего, что нас связывало. Я не понимала, что со мной происходит, не знала, как случилось, что я ожила. Знала только одно – нужно поскорее скрыться. Иначе будет худо. За углом дома вовсю шло свадебное торжество. Звучала музыка, был слышен звон бокалов, смех, крики. Я повернула в другую сторону и увидела конец земли, а за ним бескрайнее море. Туда, за овраг, где меня никто не увидит.

Я не могла встать на ноги. Ползла на четвереньках, как червяк, извиваясь всем телом. Обдирая локти, колени, размазывая грязь по лицу. Грудь по-прежнему болела, глаза плохо видели через пелену слез. Вдруг я поскользнулась и покатилась вниз по крутому склону. Цеплялась за кусты и камни, сдирая кожу и ломая ногти. Было так больно, что темнело в глазах, рубашка превратилась в лохмотья, раскрасившись в узоры крови пополам с грязью.

Падение закончилось. Я упала на мокрый песок и замерла, скрючившись, пытаясь сохранить тепло и жизнь в изувеченном теле. Сколько я так пролежала – не знаю. Возможно, я на время отключилась, умерла.

– Девушка, что с Вами? – совсем рядом прозвучал озабоченный голос.

Я с трудом разлепила глаза. Солнце почти село, закатный теплый вечер опустился на побережье. Надо мной стояла пожилая пара. Старик в белом летнем костюме и седая миловидная женщина в сарафане. Я не смогла выдавить из себя что-то членораздельное. Только длинный протяжный стон.

– Жорж, доставай телефон, нужна «скорая», – произнесла женщина. – Как же ты здесь оказалась?

Я силилась что-то ответить, но не могла. Из горла вылетали только неясные отрывистые звуки. Я не умею разговаривать? Я же слышала, как говорили вокруг меня, и понимала их слова. Почему же сама не говорю?

– Встать можешь?

Я попыталась подняться, упала в песок и захныкала от бессилия.

– Боже мой, что-же с тобой случилось? – женщина обеспокоенно убрала с моего лица волосы. Принялась осторожно ощупывать ноги, руки. – Столько крови, порезов. Сейчас приедет «скорая», они помогут. Как тебя зовут?

Я промычала: «Лаура», но получилось не слишком внятно. Скорее всего, женщина меня не поняла.

– Ты вся мокрая. Тебя выбросило на берег с корабля? Вы потерпели кораблекрушение?

Она все задавала и задавала вопросы, я ничего не могла ответить. Да и нечего было отвечать. Не могла же сказать, что вышла из картины шестнадцатого века? И родилась только сегодня? Пусть лучше думает, что потерпела кораблекрушение. Через некоторое время послышались новые голоса. Надо мной склонились странно одетые люди. Они принесли с собой какие-то приборы, аппаратуру, пугающие приспособления. Положили меня на спину и куда-то понесли. Я испуганно вцепилась в руку женщины, которая меня нашла, и сжала изо всех сил.

– Не бойся, я не оставлю тебя, – произнесла она с улыбкой, – я поеду с тобой.

Я лежала на спине и отрешенно смотрела на темнеющее небо. Справа возвышался черной стеной склон, откуда я свалилась. Какой же он высокий! Неудивительно, что я поранилась, летя с него. Впереди красными огоньками мигала машина. Меня погрузили внутрь. Что-то кольнуло в руку, и я отключилась.

Оказывается, рождаться больно. Очень больно.

****

– Праздник получился великолепный, – к Джорджу подошла мать, Карлотта Олдридж. Красивая пятидесятилетняя женщина, выглядевшая минимум на

десять лет моложе. – Твоя жена выдающаяся девушка. Она мне сказала, что все торжество спланировала сама.

Карлотта обожала своих сыновей. Особенно старшего. Он у нее получился красавцем хоть куда. Сама родом из Испании, она восхищалась художниками и поэтами. Элегантными вещами и изящной словесностью. У нее хранились все статьи и книги, написанные Джорджем, и она гордилась красивым талантливым сыном. Он смог пойти наперекор упрямому и грубому солдафону, мистеру Олдриджу. Смог сделать то, что ей оказалось не под силу – отстоять свое я.

– У Изи талант все организовывать, – Джордж с нежностью посмотрел на тонкую высокую фигуру в белоснежном платье, стоящую в окружении подружек, – я говорил тебе, что у нее своя художественная галерея в Барселоне?

– Да, завтра я собираюсь с Изабеллой ее посетить, – Карлотта подхватила сына под руку и повела к бассейну, – может, прикуплю что-то из новомодного.

– Как отец? – Джордж отхлебнул из бокала и задумчиво уставился вдаль.

– Как всегда, – мать пожала обнаженными покатыми плечами, – что-то чертит, проектирует, обустраивает. Весь в делах. Кстати, я ему расскажу об Изабелле. Ему должна понравиться твоя жена, они одинаково деятельные.

Джордж вымучено улыбнулся.

– Надеюсь, Кевином он доволен? Младший сын пошел по стопам отца.

– Кевин в этом году заканчивает колледж и сразу же берет на себя управление отелями в Азии, – вздохнула Карлотта, – даже отдохнуть мальчику не позволяет.

– Таков отец. Сам гробит себя работой и другим спуску не дает.

Джордж всегда думал, что Кевин лучший сын для отца, чем он. Послушный, спокойный, вежливый. Джорджу было десять лет, когда у него родился младший брат. Сначала он обрадовался, планировал, что они станут друзьями. Но этого не произошло. Слишком большая разница в возрасте, слишком огромные различия в характере. Добродушный и немного флегматичный младший брат никогда не

ругался с отцом, не повышал голос, ничего не просил и не требовал, в отличие от Джорджа, который спорил с отцом постоянно. Когда Джордж перевелся на другой факультет, Кевин был еще слишком мал, чтобы понять, а потом он и вовсе принял сторону отца.

Они общались, созванивались, разговаривали. Но близость между ними так и не появилась. Даже взрывной страстный темперамент отца был Джорджу ближе, чем меланхоличный характер Кевина.

Мать направилась к девушкам, окружавшим Изабеллу. Джордж остался один. Он странно себя чувствовал. С одной стороны, был доволен – все прошло как нельзя лучше, а с другой… Тревожное беспокойство поселилось внутри, не давая полностью ощутить безоблачное счастье молодожена. Он отнес это на счет обычной озабоченности мужчины, только что связавшего себя оковами брака. Хотя он же сам этого желал? Откуда тогда неуверенность?

Джордж отбросил сомнения и одним глотком опустошил бокал. У него прекрасная жена, очаровательная, умная, добрая. Он успешный перспективный писатель, его любят читатели. Мать с братом приехали на свадьбу, и пусть отец до сих пор дуется, рано или поздно он смирится с его выбором. Кевин заменит Джорджа в семейном бизнесе, и каждый будет на своем месте. Он будет писать книги, а брат управлять отелями.

Весь день Джордж хотел зайти в кабинет и поговорить с Лаурой, но держал себя в руках. Неужели картина так завладела его мыслями, что он не может ни одного дня прожить, чтобы не увидеть ее? Это же настоящее помешательство. Джордж считал себя человеком с сильной волей. Ведь смог он пойти наперекор отцу, смог доказать свою правоту и добиться успеха? Значит, и побороть в себе одержимость картиной тоже сможет.

Первую брачную ночь молодожены провели в апартаментах пятизвездочного Ритца, на берегу Балеарского моря. Все было восхитительно – холодное шампанское, белоснежные хлопковые простыни, зажженный камин, и обворожительная невеста в атласе и кружевах.

– Пока твоего дома хватит, но потом нужно будет купить больше, – промурлыкала Изабелла, перебирая пальчиками волоски на покрытой испариной груди мужа.

– В доме четыре спальни и две гостиных, кабинет, столовая и библиотека. Сколько комнат тебе нужно? – сонно поинтересовался Джордж.

– Не знаю, – зевнула Изи, – а вдруг у нас будут дети? Им нужен простор.

– Почему «вдруг»? – Джордж погладил девушку по обнаженному бедру. – Обязательно будут. Тогда и подумаем о расширении.

– Ладно. Ты пиши, а я все обустрою, – Изабелла игриво повела плечом. – Ты долго собираешься отдыхать, дорогой супруг? Молодая жена требует продолжения.

– Я весь в твоем распоряжении, – улыбнулся Джордж и прижался губами к губам жены…

Утром он с трудом подавлял в себе тревогу. Ему хотелось зайти в свой кабинет, как это делал всегда по утрам. Джордж вообще был помешан на соблюдении одного и того же распорядка дня. Поэтому работа журналиста так ему не нравилась – приходилось часто переезжать с места на место. Возможно, кто-то назвал бы его педантом, он не любил внезапных встреч, переездов, изменений в планах. Он любил сидеть в одном и том же кресле в своем уютном кабинете и спокойно заниматься своим делом.

Свадебные апартаменты были оплачены до вечера, но Джордж настоял, чтобы они съехали сразу после завтрака. Потом, правда, пришлось отвезти Изи на встречу в матерью, заехать в издательство. В общем, домой он попал только после обеда. И сразу же направился в кабинет. Ему необходимо было увидеть Лауру. Голод съедал изнутри. Он распахнул дверь. На задворках сознания мелькнула мысль: «Он что, не закрыл ее за собой вчера?» Развернулся и уставился на серый пустой прямоугольник, весящий на месте его картины.

– Что? – хрипло прошептал Джордж.

Все, о чем он думал до этого момента, тотчас вылетело из головы. Его Лауру украли! Он медленно подошел ближе, не веря своим глазам. Рама та же, позолоченная, вычурная. Висит на том же месте, на котором и висела. Только картины нет. Он потрогал пальцами позолоту. В голове царил хаос. Кто мог украсть ее? Вчера здесь было столько народу! Его гости, Изабеллы. Прислуга, официанты. Если он забыл запереть дверь в кабинет, сюда мог войти кто угодно!

– Боже! – простонал Джордж и обессиленно опустился в кресло, сжимая виски ладонями.

Он даже ее не застраховал! И полицию вызвать не может, потому что картина из черной коллекции.

Нужно сесть и сосредоточиться. Взять у Изи списки гостей, компаний, которые обслуживали торжество, нанять детектива. Точно! Если он не сможет заявить в полицию, то лучшим выходом будет обратиться к частному сыску. Он найдет картину! Он не допустит мысли, что Лаура может пропасть навсегда. Но сначала нужно позвонить Алану.

– Привет, молодожен, – весело произнес товарищ, – не успела закончиться брачная ночь, а ты уже весь в работе?

– Ты кому-нибудь говорил, что продал мне «Лауру»? – холодно поинтересовался Джордж, даже не поздоровавшись.

– Нет, – недоуменно ответил Алан, – я не имею привычки разглашать секретную информацию. А почему ты спрашиваешь?

– Картину украли, – Джордж стиснул трубку так, что пластик затрещал в руке. – Ты вчера ничего не видел?

– Черт! – ругнулся в сердцах Алан. – Хотел тебя предупредить, чтобы ты закрыл кабинет. Но забыл.

– Ты заходил в кабинет?! – Джордж не мог поверить своим ушам.

Неужели Алан? Тогда зачем ему было признаваться? В голове царила сумятица, не давая связно мыслить.

– Да. Мы с Джу искали комнату. Она случайно ввалилась в кабинет. Но мы быстро смотались. Нашли уединение в какой-то коморке на втором этаже.

– Когда это было? Ты помнишь время? Картина еще висела? – быстро задавал вопросы Джордж.

– Не помню, – простонал друг, – я был занят девушкой. Но как только увидел, что мы в кабинете, сразу же испарился. Кстати, мы до сих пор с ней кувыркаемся в отеле. Джу просто огонь.

– Рад за тебя, – ворчливо пробормотал Джордж.

– Тебе нельзя в полицию, – озабоченно произнес Алан, – лучше найми частника.

– Знаю, пока.

Джордж положил трубку и уставился на пустой прямоугольник, висевший на месте Лауры. Нет! Так он сойдет с ума, постоянно бросая взгляд на безжизненную раму! Он решительно встал, снял картину с гвоздя и засунул в шкаф, с глаз долой. Потом сел и отрыл Гугл. Нужно найти частного сыщика.

Изабелла в глубине души была рада, что полотно украли, но, конечно же, не показывала этого. Признаться, она немного ревновала к этой нарисованной девушке. Джордж был одержим картиной. Но сейчас, когда ее нет, его внимание опять будет принадлежать только ей одной.

– Я говорила тебе об опасностях черного рынка живописи? – назидательным тоном произнесла Изабелла, когда приехала вечером из галереи, – это выброшенные деньги. Хорошо, хоть она немного стоила.

– Мать что-то купила? – Джорджу было тяжело говорить о Лауре, и он перевел разговор на другую тему.

Он до сих пор не мог прийти в себя. Ему казалось, что украли не картину, а часть его души.

– Да, – отозвалась Изи, – миниатюру Соломии. Но мне показалось, что она ее засунет в чулан, как только привезет домой. И купила только для того, чтобы порадовать невестку.

Джордж вымучено улыбнулся.

– Мама в своем репертуаре. Она не признает современной живописи, говорит, что за последние сто лет ничего толкового не нарисовали.

– И ты пошел в нее, если тебе нравилась украденная антикварная мазня, – скривилась Изабелла.

– Хватит! – в сердцах воскликнул Джордж, потом сразу же взял себя в руки. Если у него отвратительное настроение, то не стоит его портить и остальным. – Ну вот. У нас первая семейная ссора.

Он подошел к жене и крепко обнял ее.

– Прости, – Джордж уткнулся в волосы девушки, – завтра придет сыщик. Возможно, что-нибудь обнаружит. Дашь ему список гостей? И названия фирм, что устраивали торжество?

– Дам, конечно, – отозвалась Изабелла, – только я не думаю, что мои или твои гости могли взять картину. Я лично знаю каждого и готова за них поручиться.

Джордж поцеловал жену в висок.

– Пойдем ужинать? Я сегодня так и не смог поработать. Надеюсь, что хоть завтра что-нибудь напишу.

Но и на следующий день Джорджу не удалось написать ни строчки. Утром прибыл сыщик, Даниель Гарсия. Пожилой серьезный мужчина, как оказалось, бывший полицейский. Он внимательно выслушал честный рассказ Джорджа о картине из пражского музея и сделал единственный вывод.

– Значит, в полицию мне путь заказан, а у меня там остались неплохие связи. Сначала я осмотрю место преступления и опрошу слуг. Жаль, что Вы убрали раму, которую повесили вместо картины. Отпечатки будут смазаны.

Джордж пожал плечами.

– Она меня нервировала.

Он взял ноут отправился в библиотеку, чтобы хоть немного пописать, но в голову не приходило ничего путного. Он прислушивался к шагам в коридоре, приглушенному разговору детектива со слугами, стуку, шорохам, и все его нервировало. Наконец, он бросил эту затею, отправил компьютер в сон и открыл Диккенса. Если он сам не может писать, то пусть хоть почитает что-нибудь стоящее.

Сеньор Гарсия пригласил Джорджа в кабинет под вечер.

– Картина неутешительная, – произнес он, когда писатель уселся в кресло и с надеждой уставился на сыщика.

– Произошли две неприятные вещи. Во-первых, Вы сняли раму с крючка, во-вторых, прислуга убралась утром в вашем кабинете и вымыла полы. Они проверили – кабинет был открыт, значит, можно входить. Следов не осталось. Единственное, что могу сказать, – Джордж напряженно впился глазами в лицо детектива, – работал профессионал. Он проник в кабинет через дверь, она была не заперта. Я снял отпечатки, но вряд ли что-либо обнаружу. Особенно, если прислуга протёрла ручки. Далее. Похититель искусно заменил картину. Непонятно, зачем он оставил раму и полотно. Это попахивает какой-то странной прихотью. Я взял на исследование скобы, при помощи которых оно сейчас натянуто на раму. Посмотрим, что к чему. Если преступник воспользовался теми же скобами, то ему на все понадобилось не менее нескольких часов, чтобы ювелирно вытащить их и прикрепить заново. Это нонсенс. Воры делают работу быстро. Для них главное скорость, а не забота о том, чтобы после все красиво выглядело.

Джордж внимательно слушал. Пока все логично и правильно.

– Дальше. Он вышел через секретную дверь, ведущую в гараж. Я нашел ее за шкафом.

– О двери никто не знает, – удивился Джордж, – даже слуги. Риелтор, который продал мне виллу, рассказал о ней, а я оставил все в тайне.

– Что знают двое, знает и свинья, – глубокомысленно заявил детектив, произнеся известную немецкую поговорку, – остались чертежи особняка, да и риелтор, возможно, показывал ее кому-либо другому перед вами. Не суть. Наш грабитель проник в гараж. Если я правильно понял, вчера у вас было торжество.

Джордж быстро кивнул.

– Поздравляю, – кривовато улыбнулся Гарсия и продолжил, – он вышел через гаражную дверь. Не могу сказать, поднимал он ее или нет. Вы утром приехали на такси?

– Да, – ответил Джордж.

– Значит, не поднимал. Я нашел на воротах клочки белой рубашки. Вор был очень маленьким и гибким, если смог протиснуться в узкий проем под ними.

– Почему он не поднял их?

– Не знаю, – пожал плечами детектив, – может, боялся, что из-за шума подъемника его услышат гости?

– И он решил поранить спину, чтобы выбраться? – скептически спросил Джордж.

– Я же говорю, очень много неясностей. Дальше. Он вылез из ворот и скрылся позади дома. Ушел или через пляж, или перелез на соседний участок. В любом случае, следов нет – все вытоптали гости.

– Да, – Джордж потер переносицу, – в полночь был праздничный фейерверк над морем. Его было хорошо видно именно с той стороны.

Детектив вздохнул.

– Завтра я начну опрашивать гостей и обслуживающий персонал, не видели ли они кого-нибудь. Но могу сказать сразу, мистер Олдридж. Это глухарь.

– В смысле? – Джордж ошеломленно уставился на детектива.

– Я опрошу всех. Они скажут, что ничего не видели. В такой суматохе и неразберихе трудно за кем-то уследить. Или еще хуже, начнут придумывать несуществующих людей и события. И я только потрачу драгоценное время и запутаюсь в поисках фантомов.

– Но есть нитки с рубашки, – с надеждой произнес Джордж.

– Спектральный анализ? – улыбнулся детектив. – Он ничего не даст. Мы же не сможем взять ткань с одежды, в которой были все гости и прислуга? Вы разоритесь на экспертизах. И не факт, что мы обнаружим его среди них. Если это чужой человек, мы вовсе его не найдем. Рубашка уже сожжена или выброшена в мусорный бак.

– Понятно, – опустил голову Джордж, – но хоть что-то Вы сможете посоветовать?

– Не покупать больше картин на черном рынке, – улыбнулся детектив, – или более тщательно их прятать.

Гарсия встал и протянул руку.

– Если узнаю что-то новое, я Вам сообщу.

– Спасибо, детектив, – пожал руку Джордж, – буду ждать новостей.

***

– Полная амнезия, – вынес вердикт один из докторов.

Консилиум собрался утром, как только Анна Симпсон появилась в палате. Она взяла на себя роль моей опекунши, так как за неделю нахождения в больнице ни моих родственников, ни друзей полиция не нашла.

«Странно было бы, если бы нашла», – подумала я тогда, когда полицейский в последний раз приходил в госпиталь.

Непонятное слово «амнезия», озвученное в первый же день моего прибытия сюда, стало спасением. Это значило, что я не должна рассказывать о том, как

появилась на свет, о том, кто меня нарисовал, и кто я на самом деле. А должна только мило хлопать глазами и на все вопросы отвечать – не помню.

– Но она знает свое имя, – произнесла Анна обеспокоенно.

– Почти все больные амнезией помнят имя. Это самое личное, что у них есть, так что неудивительно, что Лаура его вспомнила. Ее болезнь вызвана не физическим повреждением, так как ничего серьезного мы не нашли, а психологической травмой, а это гораздо сложнее вылечить. Она не только потеряла память, но и разучилась говорить, писать и читать. Так же у нее очень слабые мышцы на ногах и руках. Словно она последний год лежала в кровати и не вставала. Много непонятного в этом конкретном случае, но без помощи Лауры мы не сможем разобраться. А она ничего не помнит.

Некоторое время доктора еще перекидывались между собой странными терминами, а потом ушли. В палате остались сеньор Перес, мой лечащий врач, и Анна Симпсон, моя спасительница. Бинты еще не сняли. И пусть говорили, что на моем теле в основном царапины, глубокие и не очень, доктор решил перестраховаться.

– Очень странно, – задумчиво ответила Анна, – как Лаура вообще появилась на берегу? Я проверила сводки новостей. Ни одного крушения за последние несколько дней. Может быть, это было неизвестное судно, заплывшее в Балеарское море?

– Не знаю, – ответил доктор, – мы поместили ее фото в газетах. Но лицо было исцарапано и перевязано бинтами. Вряд ли кто-нибудь ее узнал бы. Подождем, когда снимем повязки и тогда еще раз сфотографируем.

Я подумала, чем мне грозит эта процедура. И смогут ли узнать меня Алан или Джордж по фотографии?

– Жаль, что Вы выбросили ее рубашку, – вздохнула Анна, – еще тогда, на берегу, я заметила, что ткань была особенная, и вышивка по воротнику очень интересная. Таких сейчас не делают.

– Она была вся в крови и изодранная, – с сожалением ответил доктор.

Я переводила смиренный взгляд от доктора к Анне. Все складывалось, как нельзя лучше. В больнице я в относительной безопасности. Полиция больше не приходила. Семейная пара, которая меня подобрала, оказались милейшими людьми они регулярно навещали в госпитале. Мне было стыдно им врать, но правда была гораздо хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/plen_aleksandra/portret

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить